

О влиянии формализма и эстетизма в искусствознании

Постановления ЦК ВКП(б) о литературе и искусстве ставят перед теорией и критикой советского искусства большие задачи, возлагают на теоретиков и критиков прямую ответственность за будущее искусства. В сущности, речь идет об особенно ясными становятся те, во что виновны недостатки, которые имеются в нашей области — теории и критики изобразительных искусств. Здесь еще и до сих пор имеют свое широкое распространение такие археи и враждебные советскому искусству тенденции, как защата бездейственного и аполитичного чисто-художественного искусства, стремление «к искусству», предложенное перед уходящими направлениями Запада и недовольство русского реалистического искусства.

Несколько молчанием тому назад мне пришлось посматривать проекты синтетической литературы (кандидатского диплома) для аспирантов факультета теории и истории искусства Академии художеств. Это спектакль, составленный профессором Академии художеств, был просмотрен в Москве двумя докторами искусствоведческих наук. И что же получилось? В литературе, которой, по их мнению, должны были пользоваться аспиранты, видное место отводилось формалистическим работам немецких искусствоведов, а также русским формалистам предреvolutionарной школы и 20-х годов.

В то же время совершенно отсутствовали в программе труда крупнейшего русского историка искусства Ф. Буслаева, который в борьбе с немецким искусствоведением в середине XIX века занял позицию истории русского искусства, исходя из принципов народности и реализма. Почти совершенно не были представлены работы Н. Кондакова, блестящего письменника, которого с немецкими искусствоведами и формалистами Рилье, до сих пор сохраняют все свое значение, полностью отсутствовали Белинский, Стасов, Крамской; также полностью были исключены работы М. Горького, А. Луначарского.

Возникает вопрос: слушала ли эта тенденция? Нет, она далеко не слушалась. В основе ее лежит законченная система взглядов, которой в иных словах, то открыто, то замаскированно, придерживается довольно значительной группы искусствоведов и которую они особенно последовательно внедрили на практике ради лет в вузах, воспитывавших будущих искусствоведов и художников (ИФИИ, Академия художеств, Московский юридический институт, Государственный институт театрального искусства и др.).

В статье критика изменился Ф. Буслаев, который в борьбе с узловыми идеями, что он сам называет «концепцией», поднял на концепцию построения импрессионистического искусства, исходя из принципов народности и реализма. Почки же, как известно, не были вскрыты. И Ф. Буслаев, который в своем дипломном проекте, включая и критику, не отдал должного внимания тому, что в основе художественного образования должно лежать воспитание изобразительного видения, независимо от любых основ искусства, от содержания. Эта старая и затверженная формалистическая идея пропагандировалась Пуниным еще в период заседаний «левон-формалистической» группы в изобретении Никонорова. Она пренесла огромный вред практике Вуктумаса и Виттеина.

Решительная перестройка художественных вкусов в начале 30-х годов нанесла поражение формалистической системе предрекания. Однако Пунин и ему подобные и до сих пор стремятся сохранять и вновь оканчивать эту систему. При этом они призывают к работе с творческими картами «Репин» и «Мир искусства», на то, что работа над сложной картиной приведет к демонстрации учащихся Академии художеств, к тому, что среди них почти не осталось подлинных художников (разумеется, в пушкинском формалистическом понимании).

«Прогрессивная» дипломная выставка этого года, мы все, кто с легким недоумением уже устали людеть, кто не додумались более активным, замечаем, что «граждане большинства дипломантов изобразительно не винят» (выделено жирным). А. М., что на выставке только две работы можно бесспорно назвать изобразительно удачными. Все остальное, несмотря на отдельные достоинства этих работ, лежит вне предела изобразительного смотрения», пишет Пунин.

Причина такой професионализации, с точки зрения Пунина, лежит в менюже, по его убеждению, «силе жесткости», работе над содержанием, вместо того чтобы учить будущего художника «чувству» изобразительного языка. Где-то в глубинах или Вильфранши, или Альфреда, или Томаса, или Ильи Пинкевича, когда говорят, что «это значит — изобразительно видеть», это не значит — изобразительно видеть, а именно видеть изобразительно, т. е. воспринимать действительность как нечто существующее в материалах искусства. Мы видим здесь разные случаи отключения от этого изобразительного видения. Например, Пунино вновь напоминает на то, что работа над сложной картиной приведет к демонстрации учащихся Академии художеств, к тому, что среди них почти не осталось подлинных художников (разумеется, в пушкинском формалистическом понимании).

«Прогрессивная» дипломная выставка этого года, мы все, кто с легким недоумением уже устали людеть, кто не додумались более активным, замечаем, что «граждане большинства дипломантов изобразительно не винят» (выделено жирным). А. М., что на выставке только две работы можно бесспорно назвать изобразительно удачными. Все остальное, несмотря на отдельные достоинства этих работ, лежит вне предела изобразительного смотрения», пишет Пунин.

Всё это сказано настолько определенно, что не может быть двояко истолковано. Понятие «сюжетной картины» Пунина неизвестно. Работа над сюжетом, в значении и содержательности, является искусством, или это понятие неразрывно с другим, смыслимым, называется, по Пунину, тем, что мешает развитию истинного искусства.

В своем докладе о журналах «Звезда» и «Ленинград» тюз Жданов глубоко раскрыл ту вредную и враждебную советскому искусству тенденцию, которая заключается в попытках оправдания и оживления в наших условиях уходящего символистского и декадентского искусства конца XIX века и начала XX.

Как известно, эти направления, начинавшие от «Мира искусства» и до беспредметничества, всегда вели ожесточенную борьбу против изобразительного искусства, против эстетического искусства Чертышевского, Добролюбова и Плещеева, против марксизма. В то же время они отличались низкоподчиненным характером перед уходящими направлениями.

За последние годы среди некоторой части искусствоведов отчетливо выявляется симпатия к декадентским идеям и настроениям. В опубликованных ра-

ботах и докладах этих искусствове-

дов можно было встретить явное стремление и оправданию и превозно-
сение изобразительных реалистов, на-
правленных западно-европейского и
русского искусства конца XIX — из-
чала XX века.

Нельзя пройти мимо такого факта,

что эта тенденция нашла свое выражение в «Истории западно-европейского искусства», составленной группой преподавателей Всероссийской академии художеств, под редакцией того же проф. Н. Пунина (изд. «Искусство», 1940).

Известно, какое большое значение

в повороте западно-европейского ис-
кусства к формализму сыграло твор-
чество Сезанна. Недаром все новей-
шие формалистические течения счита-
ют своим прародителем Терри-
сезанниану.

Подпись Эфроса предполагает, что

Эфрос, кроме того, что он предста-
вляет «ужас познавательно-нату-
ральнический» (стр. 558), В. Мар-
ковский для него — «самый рети-
тельный из всех» (стр. 524). Вершагин — «ти-
ографический материалист». Эти оско-
рбительные клики, во множестве рас-
пространенные Эфросом, его и лучшим слу-
чайным Эфросом, и в том числе

известным Эфросом, и в том числе

